

ТАЙНЫ КУБЕНСКИХ ОБИТЕЛЕЙ

Монастырская тема в отечественном книгоиздании стала популярна. В рассказах о монастырях привлекает прежде всего некая таинственность, связанная с уходом от «мира сего», описание духовного служения и подвигов святости, которыми так знамениты древние русские монашеские обители. Всё это говорит прежде всего о читательской неудовлетворенности окружающей жизнью, поиском нашими современниками вечных идеалов и горних истин, которые бы вдохновляли и наполняли традиционной духовностью и нравственностью утерянный смысл человеческого существования. На наших глазах родился своеобразный социально-культурный феномен, который, кроме духовно-нравственных запросов, включает в себя и тоску о вечном и прекрасном, благородном и чистом, то есть о качествах, дефицитных на рубеже веков и тысячелетий.

Православный монастырь выполнял в русской истории многие роли, и каждая из них подробнейшим образом рассмотрена в литературе. Объединенные идеей служения Богу и Христову братства, монастыри являлись и центрами культуры, просвещения, выполняли роль военных крепостей, защитников русской земли от иноземных поработителей. Не будь, скажем, монастырских книжных собраний, библиотек, и наше знание об отечественной истории было бы весьма ничтожным. И эти невосполнимые пробелы касались бы не только исторической памяти, но и русской культуры в целом.

Заволжские монастыри пользовались особой известностью. Они по своему устройению совмещали в себе все известные нам по истории духовные, строительные, культурные, военные функции. Кроме

того, и до сегодняшнего дня их ансамбли (тех монастырей, которые сохранились) оказались чудесным образом вписаны в окружающую природу. Важно, что и окрестности обителей в малой степени изменились со времен их основания. Взойдите на гору Мауру у монастыря чудотворца Кирилла Белозерского, и вам откроется тот же вид на Сиверское озеро, который, по легенде, увидели московские монахи Кирилл и Ферапонт шестьсот с лишним лет назад.

Есть и еще, по-моему, один из секретов популярности северных монастырей. «...Монастырь уже сам по себе осмысливается в христианском сознании как земной рай», — пишет Н.А. Криничная (*Криничная. От Соловков — к Беловодью... С. 188*). От монастырей исходит дух подлинной святости, нестяжания, нетварного света. Если к монастырям в центре России экскурсанты, туристы «едут», то к северным монастырям «добираются», преодолевая препятствия, бытовые и прочие неудобства, то есть испытывая свою волю в ожидании чуда, что является смыслом истинного паломничества. Духовная истина, как известно, дается тем, кто готов потрудиться ради нее. Северные монастыри, конечно, не всем, но многим такую истину приоткрывают. Вот почему паломничество к ним никогда не прекратится.

Среди заволжских монастырей несколько столетий славились те, следы которых ныне потерялись, но не заросли травой забвения. Часть из них прекратили свое существование в XVIII в., и на их месте остались до наших времен лишь приходские храмы. Другие канули в вечность еще раньше. Большая же часть обителей была разорена в советское время.

Центральная область Северной Фиваиды — Кубеноозерье наиболее густо заселялось монашескими обителями: от Покровской лавры Дионисия Глушицкого до скромного скита безвестного монаха-отшельника. Над землей русской святости сияли кресты Спасо-Каменного Преображенского мужского монастыря. Но везде и всюду безжалостное время да и сами люди постарались с этих лесных и озерных просторов выкорчевать память.

Оказалось, напрасно. «Невещественное прочнее осязаемого», — как сформулировал Борис Шергин. Вот и оживают бывшие заброшенные церквушки, чудом сохранившиеся от монастырских обителей. Латаются крыши, белятся стены, воздвигаются над ними кресты... Изгоняется из них бесовский дух забвения и бесчестия. Теплятся у скромных икон лампадки, горят перед ними свечи. Чуть ли не каждый год возрождается то одна, то другая церковь. И на их фоне немим укором жителям высятся руины многих храмов, которые варварски и с каким-то сатанинским упорством порушены в прежние годы.

Сведения о кубеноозерских монастырях отрывочны и неполны*. Приходилось

* Бесспорным авторитетом здесь является историк православной церкви В.В. Зверинский, составитель и издатель трехтомного «Материала для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской Империи» (СПб., 1890–1897). В 2005 г. это издание вышло в репринтном исполнении. Роль справочника играет и «Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России, составленное из достоверных источников Александром Ратшиным», впервые вышедшее небольшим тиражом в Москве в 1852 г. и переизданное в 2000 г. Популярными источниками по святым кубенским местам остаются неоднократно мной упомянутые книги А.Н. Муравьева «Русская Фиваида на Севере» и «Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии» священника Иоанна Верюжского. По древней истории замечательным остается сборник И.К. Степановского

буквально собирать их по крупицам, ибо немногие монастыри в окрестностях Кубенского озера удостоились отдельных исследований и описаний и чаще всего упоминаются в перечислениях. Даже церковные историки в своих известных сочинениях допускают неточности, а где и ошибки, связанные, к примеру, с топографией той или иной монашеской обители.

Между тем, по моим подсчетам на берегах Кубенского озера и на соседних с ним землях находилось более 15 монастырей. Время основания наиболее древних из них, как я показал в предыдущем очерке о Спас-Камне, легендарно, скрыто от нас в глубине веков. Таковыми старинными монастырями я считаю Спасо-Каменный, Антониево-Введенский, Песоцкий Успенский, Подольный Успенский, Лысогорский Богородицкий и Свято-Лукский. Географически они располагались в наиболее удобных, как говорится, «видных» местах Кубеноозерья.

Антониево-Введенский монастырь (сейчас здесь находится действующий Свято-Антониевский храм) был основан в северо-западном углу озера, у очень удобной природной пристани на песчаногалечном берегу. Места здесь прекрасные, рыбные, рядом располагаются небольшие живописные острова Чечино и Боранец. Монастырь «контролировал» выход и заход судов в реку Порозовицу и в случае непогоды на озере служил вре-

«Вологодская старина» (Вологда, 1890). Бесценными являются труды П.М. Строева «Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви» (СПб., 1877) и Е. Голубинского «История канонизации святых в Русской церкви» (М., 1903). Кое-какие данные удалось почерпнуть из современных изданий: «Русская православная церковь. Монастыри. Энциклопедический справочник» (М., 2001), «Монашество и монастыри в России. XI–XX века. Исторические очерки» (М., 2002), П.Н. Зырянова «Русские монастыри и монашество в XIX и в начале XX века» (М., 2002) и Елены Романенко «Повседневная жизнь русского средневекового монастыря» (М., 2002).

менным пристанищем для путешественников и рыбаков. Чем, по легенде, воспользовался белозерский князь Глеб Василькович, отсиживаясь здесь в 1260 г. у церкви Антония Великого несколько дней.

Подольный Успенский монастырь «спрятался» в устье реки Уфтюги, за долами и лесами, вернее, за болотами. О его существовании мало кто помнит, поэтому мне пришлось восстанавливать его интересную историю.

Лысогорско-Богородицкий монастырь тоже малоизвестен, хотя был расположен в одном из самых красивых мест Кубеноозерья — на Лысой горе (сейчас здесь находится действующий Свято-Афанасьевский храм с высокой колокольней). Я предполагаю, что он был связан с семейством князей Заозерских, что и попытаюсь доказать.

Свято-Лукский монастырь упоминается в Житии преподобного Дионисия Глушицкого, но до того, как кубеноозерский чудотворец вместе с преподобным Пахомием в конце XIV в. появился в здешних краях и нашел здесь запустевшую обитель, ее прежняя история полна загадок.

И наконец, я вернулся на юго-западный берег к городку Кубенскому, где по соседству существовал Песоцкий Успенский монастырь. Древность Кубенского городка подтверждена, как я уже писал, В.Н. Татищевым. По всей видимости, городок являлся одним из первых новгородских (а может, еще и племени ильменских словен) форпостов в этих краях, так как от него хорошо просматриваются летом все суда, идущие к Сухоне, а зимой — санные обозы, которые в древности также двигались по руслам рек и по долинам озер. Он же открывает кубенский участок кирилловской сухопутной дороги.

Все эти шесть монастырей (о Спасо-Каменном я рассказал отдельно) сыграли большую роль в начальной христианизации

Кубеноозерья, в распространении православной культуры и духовной грамоты, в аграрном освоении близлежащих земель и в охране территории от вражеских набегов. От этих первых, в большинстве своем совершенно забытых монастырей, как от побегов на плодоносящем древе земли русского Спасения и Преображения, в конце XIV — начале XV вв. и позже отпочковались другие монашеские колонии, принесшие кубеноозерскому краю всерусскую славу и широкую известность. Назову среди них Глушицкий-Покровский-старый, Сосновецкий-Предтечевский-Глушицкий, Леонтиев (все три монастыря основаны постриженником Спасо-Каменного монастыря преподобным Дионисием Глушицким), Сямский-Рождественский, Лопотов-Пельшемский, Сянжемский-Спасо-Евфимиев, Спасо-Преображенский Рабангский, Николаевско-Катромский, Успенский-Куштский, Авнежско-Нозомский монастыри, Богоявленская-Белавинская, Николаевско-Зубовская и Семигородная-Успенская пустыни. Из 89 монастырей, имевшихся в огромной, вплоть до Урала, Вологодской губернии, почти каждый пятый располагался в окрестностях Кубенского озера. Отсюда разливался духовный свет на ближние и дальние веси и города. Вместе со скитами отшельников большие и малые монастыри, в том числе одна лавра, разбросанные по озерным берегам и лесам Заозерья, представляли собой настоящую монашескую страну, еще ожидающую своего церковного историка, живописателя и исследователя.

А если прибавить к ней соседние белозерские обители — древнейший Усть-Шехонский-Троицкий, основанный Глебом Белозерским, великокняжеский и позднее царский Кирилло-Белозерский, всемирно известный своим культурным значением Рождественский-Ферапонтовский, красивейший Кириллов-Новозерский, великокняжеский и царский Горицкий-Воскресенский, островной Спас-

ский-Вожский монастыри и знаменитый Нило-Сорский скит; если вспомнить совсем близкие к нашей округе вологодские и комельские обители — Спасо-Прилуцкий, Духов, Горний-Успенский, Троицкий, Кобылкин-Ильинский-Дмитриевский, Воскресенский, Троице-Обнорский, Комельский-Введенский, Комельский-Ризположенский, Озерский-Комельский, Рождественский на Прилуке, Грязовецко-Печенгский, Николаевский, Нуромский, Преображенский монастыри, Заоникьевскую, Перцову и Арсениеву пустыни, то речь вполне может идти об уникальном духовном и культурном явлении в истории России, давно уже нуждающемся в своем всестороннем осмыслении и глубоком познании.

Чтобы не растекаться мыслию по древу, я, как и в других очерках, ограничу себя в рассказе о монастырях «ближним кругом» — землей своей малой родины.

ПЕСОЦКИЙ УСПЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

В отношении Песоцкого Успенского монастыря ошибался даже бесспорный авторитет В.В. Зверинский, называя его двойным именем совместно с Антониево-Введенской пустыней — «Песоцкий Успенский монастырь или Антониево-Введенская мужская пустынь». Краевед, как ему и положено, въедливый и целенаправленный в своем поиске, И.К. Степановский упоминает уже о двух разных монашеских обителях, время основания которых ему не известно.

Всё это так. Песоцкий Успенский монастырь, один из древнейших в крае, был уже накрепко забыт в начале XX в. Вологодский исследователь древностей А.С. Непеин, описывая свое путешествие в село Кубенское в 1916 г., перечисляет сохранившиеся в местном Ильинском храме пожертвования бояр Салтыковых, владевших когда-то этим торгово-купе-

ческим селом, и в числе этих даров отмечает серебряное позолоченное кадило. На нем Непеин разобрал следующую надпись: «Лета 7174 (1666) августа в 15 день боярин Михайло Михайлович да сын его боярин Петр Михайлович Салтыковы дали в церковь Пречистые Богородицы честного и славного ея Успения да в предел Всемиловитого Спаса Нерукотворного Образа кадило серебряное чеканное...» Автор по этому поводу недоумевает: «Вероятно, это кадило предназначалось другой какой-нибудь церкви, потому что Кубенская церковь никогда не была посвящена Успению Божьей Матери и не имела придела во имя Всемиловитого Спаса» (*Непеин. С. 184—185*).

Один из историков села Кубенского священник Николай Богословский также делает предположение, что, может быть, церковь во имя Успения Божьей Матери была домовою графов Салтыковых в Москве или находилась в одной из их многочисленных вотчин.

Действительно, на Никольской улице в Москве, во дворе Чижовского подворья (вторая арка справа от Богоявленского переулка) «спряталась» Успенская домовая церковь бояр (тогда они имели еще такой титул) Салтыковых. Но известно, что церковь построена в 1691 г., а кадило передано в 1666 г.

Правда и то, что в селе Кубенском среди его шести храмов не было приходской церкви во имя Успения Богоматери, но она была в соседнем селе Песочном. И.К. Степановский называет ее Успенской Песочинской, и во времена Салтыковых она являлась храмовой в монастыре.

В писцовых книгах письма и меры московского дворянина Семена Гавриловича Коробьина и подъячего Федора Стогова за 1627—1630 гг. впервые упомянут при переписи вотчин Песоцкий Успенский монастырь в Кубенской волости. В это же время, как отмечает священник Николай

Богословский в книге «Церковь святого пророка Илии в селе Кубенском», село пожаловано было царем Михаилом Федоровичем боярину Михаилу Михайловичу Салтыкову*.

Тогда-то, зная о существовании в новой вотчине древнего монастыря, Михаил Михайлович и внес в его храмовую церковь серебряное кадило, чтобы «и нас в своих молитвах не забывать, и родители наши поминать». После упразднения монастыря в 1764 г. кадило, вероятно, было перенесено в каменный Ильинский храм, построенный Салтыковыми в 1745 г., где хранились и другие их ценные вклады церковной утвари.

Что еще удалось узнать о монастыре? В 1613 г. он был разорен отрядом Барай Мурзы, состоявшим из татар и казаков. «...В Кубенской волости и в Ракуле все деревни разграбили и крестьян перемучили», — пишет один исторический источник (*Памятная книжка Вологодской губернии на 1860 г. С. 36*). Известно также, что в начале XVII в. игуменом монастыря был не известный нам Дионисий.

Собственно, вот и всё, что можно сказать о Песочном Успенском мужском монастыре. О том, что он мог быть древним, подсказывает место, где он расположен. До XIV в. монашеские обители строились в городах и в непосредственной близости от них. Очевидно, что среди основателей новгородского городка Кубенского вскоре появились монахи или монахини, которые и заложили по соседству, в де-

ревне Песочное небольшой монастырь, укрепивший значение этого торгово-оборонительного поселения еще и в качестве миссионерского центра для всей кубенской округи.

С монастырем, как я предполагаю, связана еще одна история, которая до сих пор мне неясна. Из описей Иосифо-Волоколамского монастыря известны кое-какие церковные предметы, поступившие в XVI в. из женского Спасского монастыря, что у Кубенского озера. Дважды повторяются в описи эти данные, а между тем все имеющиеся у нас источники о таком монастыре упорно молчат. Соседняя на озере островная обитель во имя Спаса всегда являлась мужским монастырем.

Здесь можно предположить следующее.

Называть церкви и монастыри именем Спаса было широко принято у новгородцев. Культ Богородицы активно внедрялся «низовцами», то есть выходцами из Владимиро-Суздальских и Ростовских земель. Нам неизвестно, когда и по какой причине Новгород расстался как со своим владением с Кубенским городком. В летописях зафиксирован только факт похода новгородского войска в 1398 г. под командованием посадника Тимофея Юрьевича «воевать» белозерские, кубенские волости и Устюг, чтобы отбить их от Москвы.

С начала XIII в. бывший Кубенский городок уже считался центром волости Кубена, а затем в XIV в. отошел к ярославскому княжескому дому. Вероятно, вместе с ним к Ростовской епархии был приписан и небольшой женский Спасо-Песочный монастырь, что находился по соседству с селом Кубенским.

Иметь два одинаковых по названию и, главное, соседних монастыря ярославским князьям было явно не с руки. Поэтому они и предложили ростовскому владыке изменить название обители, утвердив ее к тому же по составу мужской.

* Репринт книги, вернее брошюры, вышел без указания года переиздания в Вологде. Данная цитата взята мной со страницы 5. Вызывает удивление, что священник Николай Богословский, известный в селе Кубенском краевед и ценитель старины, в доме которого до недавних пор размещался краеведческий музей, не знал о существовании по соседству в древности Песочного Успенского мужского монастыря, упраздненного, как пишет И.К. Степановский, в 1764 г. Объяснить этот факт я никак не могу.

О том, что монастырь мог когда-то называться по-иному, говорит и имя придела в главном храме, куда бояре Салтыковы, безусловно, знавшие историю монастыря, сделали свой ценный вклад, — придел Всемилоственного Спаса.

Повторяю, что это всего лишь мои догадки. Изучение этого вопроса требует серьезной и кропотливой работы в вологодских архивах, где по крупичкам можно собрать данные, утерянные уже в XIX в.

АНТОНИЕВ-ВВЕДЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

А теперь переместимся на пятьдесят с лишним километров по Кирилловской дороге в другую древнюю обитель — в Антониево-Введенскую мужскую пустынь с не менее интересной и загадочной историей.

Но сначала выпишу справку из «Материала для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Составил и издал В.В. Зверинский. Часть II. № 1042»:

«Антониева-Введенская мужская пустынь, ныне село Пески-Антоново, Вологодской губернии и уезда, в 84 верстах к северо-западу от Вологды, при впадении речки Кии в Кубенское озеро, недалеко от устья реки Порозовицы. На месте ее еще в XIII в. находилась церковь преподобного Антония Великого, около которой 10 дней прожил князь Белозерский Глеб Васильевич, плывший от Белоозера в Устюг и выжидавший здесь благоприятной погоды, чтобы переплыть Кубенское озеро. Когда же была основана сама пустынь, неизвестно, вероятно, иноками Спасо-Каменного монастыря, и уже несомненно существовала в XVI столетии, так как в 1588 г. в ней был игуменом Пимен. В 1718 г. принадлежала к числу состоятельных в епархии и в 1732 г. в ней считалось 9 человек братии. Упразднена в 1764 г.».

В столь кратком рассказе можно вычитать три интересующих меня факта: первый — древность обители, хотя сам срок этой древности опирается, как я показал в предыдущем очерке, на легенду, тем не менее учтем, что речь идет о XIII в., когда на этом месте была уже срублена и была освящена церковь (на Спас-Камне существовала только часовня). Второе — расположение храма. Река Кия (современное название — река Кой) представляет собой одну из малых речек, впадающих в Кубенское озеро. Она берет исток из Сидорова болота, где течет параллельно судоходной реке Порозовице. Кия-Кой не имела определяющего значения при выборе места для храма. Церковь ставили на очень выгодном месте, на песчано-галечном сухом мысу в начале Кубенского озера, при впадении в него Порозовицы. Здесь же была и пристань, которая носит название «Пристань Антония». Ныне в

*Церковь ставили
на очень выгодном месте...*

Песках располагается рыболовецкая бригада и находится стоянка рыболовных катеров.

Я думаю, что новгородцы, а еще раньше ильменские словене, «севшие» на Словенский волок, давно присмотрели это прекрасное место, своеобразную озерную гавань, где не бывает сильных бурь и волнений. Здесь на месте языческого капища был воздвигнут крест, потом, по традиции, срублена церковь. Она и переросла в монастырь. Храмонаименование тоже было выбрано неслучайно.

Антоний Великий (251—356), считающийся отцом христианского монашества, особо почитаемый святой в Великом Новгороде, где в начале XII в. был основан Антониев монастырь, в котором великий князь Мстислав, сын Владимира Мономаха, в 1116 г. воздвиг собор, дошедший до наших дней, считается образцом монашеского служения, первым пустынником и затворником, истовым проповедником и защитником христианства, автором знаменитого опровержения ереси арианства, названного торжеством православия. Антоний Великий оставил после себя разнообразные сочинения, главное из которых, как надо спасаться. Преподобный Антоний учил, что прежде всего нужно познать самого себя, сохранять предания Отцов Церкви и всегда ждать кончины, будучи готовым к ней каждый час, а потому быть на стороже своих поступков и мыслей. Великий монах прожил долгую жизнь, родившись около 260 г., то есть в III в., он скончался спустя 105 лет.

В выборе места и имени одного из первых православных храмов в Кубеноозерье содержался Божий промысел. Словно изначально эти места были предназначены для духовного подвига многих иноков, чьим идеалом совершенства являлся первый христианский монах Антоний Великий. Его завет беречь христианскую веру, следовать святым традициям, бороться с ересями и заблуждениями на

многие столетия являлся сокровенным правилом для кубенских старцев и местных чудотворцев.

Важный момент в существовании пустыни (скорее всего, в начальные свои века она являлась монастырем с игуменским управлением) заключался в ее материальном обустройстве, которое у В.В. Зверинского определено как «состоятельное». По всей видимости, свой расцвет Антониево-Введенский монастырь переживал в те времена, когда шло заселение важских и двинских земель, когда активно функционировали водные магистрали Волга — Северная Двина и Белоозеро — Заволочье. Монастырь, находившийся в удобном месте, от которого на восток открывалась прямая, без природных препятствий дорога, встречал и провожал богатых торговцев и дальних путешественников, ушкуйников и ратных людей.

В писцовых книгах за 1627—1630 гг. он уже называется Антониевой пустынью, что говорит об определенном упадке обители, вызванном разорением края в Смутное время. Пустынь еще владела вотчинами, и немалыми, но они уже были разграблены и обезлюдели. Располагались владения в Сямской волости, где «на центральной усадьбе» существовал с 1524 г. Сямский Богородице-Рождественский мужской монастырь. Значение его возрастало, при том что Антониева пустынь становилась периферией духовного влияния на Кубенский край.

В имени пустыни-монастыря читаются названия двух обителей. Вытеснившие новгородцев из здешних мест «низовцы» Антониев монастырь переименовали в монастырь Введения Богоматери. Такое двойное название прослеживается даже в писцовых книгах. В этих официальных документах монашеская обитель называется то Антониевой пустынью, то Введенской, хотя употребляется и ее полное название — Антониева Введенская (Богородицкая) пустынь на реке Порозовице.

О первоначальном названии монастыря говорит и древний топоним — пристань Антоний, и прежнее название села — Пески-Антоново, измененное от Антоньево, а сегодня просто — Пески.

Оживление монастыря-пустыни произошло в начале XIX в. во время большого храмостроительства по всему побережью Кубенского озера. На месте обветшавших построек пустыни была возведена теплая церковь с трапезной и колокольней. Пустынь стала приходским храмом, и ничто уже не говорило о богатом историческом прошлом этого места. К счастью, эти церковные постройки сохранились до наших дней благодаря их хозяйственному использованию. Здесь располагался участок рыболовецкой бригады, в церкви сушились сети, там их чинили, складировали улов. Остался нетронутым даже колокол, что само по себе является редким явлением по всему Кубеноозерью. Опять-таки он «выжил» потому, что выполнял, как и на Спас-Камне, функцию маяка: своим протяжным голосом оповещал застрявшие в тумане баржи и теплоходы.

Местное кубенское население считает преподобного Антония Великого небесным покровителем рыбаков. Нет, святой Антоний никогда таковым не был. Главными помощниками в рыбной ловле являются святые апостолы Петр и Павел.

...Мы приехали в Пески на исходе дня. Церковь, пока без куполов, стоит у кромки воды, что редкость на озере, где многие берега заболочены. «Пока» я сказал не случайно, так как храм передан местной православной общине и в нем по большим праздникам проходят богослужения. Постепенно ремонтируется и колокольня.

После дороги мы сразу же вышли на берег озера. Места здесь какие-то домашние, уютные. Может, потому, что противоположный берег не так далеко, не чувствуется здесь дикого размаха природы.

Только вот напротив храма свалены десятки старых, отслуживших свой век больших озерных бакенов. Склад металлолома. Но и в своей пестрой разбросанности они представляют собой довольно живописную картину. Совсем рядом пригнулись (почти к берегу) три рыболовецких катера, стоящих на приколе, а на берегу находится летняя кухня рыбаков. В рыбацком сарае расположился лагерь ребятишек, приехавших из прихода одной из вологодских церквей. Они в летние месяцы по мере своих силенок убирают окрестности, помогают восстанавливать колокольню, просто отдыхают у воды, ловят рыбу, готовят себе обеды у костра. Настоящий православный трудовой лагерь. Каждый год ребята выезжают к тому или иному храму под Вологдой, чтобы помочь его восстановлению.

Руководительница детской колонии встретила нас радушно, показала сначала «хоромы», где живут в скромной чистоте ребята, а затем провела в церковь. Храм небольшой, внутри он носит следы северной опрятности. Конечно, еще бедноват. Алтарь в нем весьма условен, иконы на стенах чуть ли не бумажные. Трудно представить, что Антониев монастырь был некогда богатым и славным, что в нем служились благодарственные молебны Господу за успешный поход к Урал-Камню или к устью Северной Двины, что здесь искал спасения князь Глеб Василькович со своей дружиной. Большая железная печь с лежанкой, построенная еще рыбаками и занимающая часть храма, хорошо греет и в зимние морозы, поэтому можно проводить церковные службы и на Рождество, и на Крещение...

В обустройстве первых после советской власти храмов в Кубеноозерье активное участие принимал благочинный Вологодского округа протоиерей Василий Павлов. Отец Василий открывал первый на побережье храм Святой Троицы в селе Кубенском, служил во многих полураз-

Совсем рядом приткнулись три рыболовецких катера...

рушенных церквях. С трудов этого священника началось духовное возрождение моей малой родины.

Приезжал он и в село Пески, проводил в церкви Святого Антония Великого, только-только приспособленной для богослужения, службы. Здесь же 17 июня 2001 г., в первый день своего отпуска, отец Василий трагически погиб. Говорят, наклонился в лодке, чтобы поднять из воды тяжелый лодочный мотор, и моментально умер от разрыва сердца. Кончина его случилась рядом с храмом, который сейчас всем миром восстанавливают и который стал памятью об этом добропорядочном и отзывчивом священнослужителе, неожиданная смерть которого потрясла всю Вологодскую епархию.

Поднимались мы в тот короткий приезд и на колокольню. Лестница ее шаткая, временная, но все-таки добрались до чудом сохранившегося позеленевшего колокола. Литую вязь надписи на нем труд-

но разобрать. Впрочем, виден барельеф портрета царя Николая II, наверно, единственный, сохранившийся на Вологодчине. Спросив разрешения и раскачав язык, мы ударили в колокол. Густой басовитый звук полетел по всему Кубенскому озеру, нигде не встречая препятствий. Долго он замирал-затихал на горизонте.

Слышен ли песковский колокол на другом конце озера (как-никак расстояние по прямой 40 км), в устьянском селе Чирково, где на Лысой горе был воздвигнут в 1861 г. храм во имя Афанасия Великого с высокой, как свеча, трехъярусной колокольней? Я думаю, что звуки благовеста двух колоколен встречаются на полпути друг к другу. И не только звуками колоколов они себя приветствуют. В сакральном пространстве Кубеноозерья эти храмонаименования имеют символический смысл.

Святой отец церкви Афанасий Великий, архиепископ Александрийский (293—373),

прославился, как и его старший духовный соратник Антоний, борьбой с ересью арианства и твердой, непоколебимой верой. Отнюдь не случайно в начале XIX в. на доминирующей над окрестностями вершине был воздвигнут храм в его честь. Тем самым подчеркивалось торжество православия над краем, считавшимся в те десятилетия одним из центров раскола.

Святой Афанасий Великий не раз терпел гонения за веру, вынужден был бежать из Александрии, но на его защиту вставляли истинные христиане, его снова возвращали из изгнания и делали епископом на Александрийской кафедре. В письменных посланиях к монашествующим, языком богатым и образным, он поучал их держаться правил строгой жизни. Многие формулы святого Афанасия до сих пор живы в доказательствах христианских истин. Его праведный путь напоминает в чем-то судьбу Нила Сорского и «заволжских старцев», проповедовавших строгость монастырских уставов и идеал монашеского нестяжания. В прославлении на кубенских берегах имени святого Афанасия Великого прослеживается и еще более далекая память о языческих временах, когда крестили здешних первопоселенцев, разрушали их кумирни, среди которых самым известным считалось капище на Лысой горе, где и был возведен Афанасьевский храм.

Связь двух имен, Антония Великого и Афанасия Великого, в истории христианской церкви очень близкая. Перед своей смертью Антоний, когда ему уже было сто с лишним лет, отправился в уединенное место, где отшельником и скончался. Перед уходом из Александрии он оставил овечью шубу и мантию своему другу, такому же бескомпромиссному защитнику христианской веры Афанасию. Последний, будучи уже патриархом Александрийским, опишет долгую и честную жизнь святого Антония, брата своего во Христе, воздав ему великую хвалу за его духовные подвиги.

Так и кажется, что нынешние действующие в Кубеноозерье храмы в честь святых отцов перезваниваются между собой, посылают друг другу приветы. Низко гудит колокол в Песках на Святом Антонии, храня память о первом христианском отшельнике и анахорете. Мощно отзывается ему в Чирково Святой Афанасий, соратник Антония и его биограф, высоко стоящий над просторами озера.

ПОДОЛЬНЫЙ НИКОЛЬСКИЙ УСПЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Звуки старинных колоколов с побережья Кубенского озера долетают и до другого древнего монастыря в устье реки Уфтюги, которую ранее называли и Юфтюгой, и Ухтюгой. Еще одна красавица река, лесная, таинственная, несущая свои воды в озеро.

Если говорить о первом русском поселении на ее лесных просторах, то таким местом можно считать село Подольное, стоящее на левом берегу. На современных картах оно помечено как «нежилое». Славянский корень слова «подол» указывает на расположение бывшего села: это — подол, нижнее течение реки Уфтюги. Имеется и другой вариант расшифровки: подол — это кромка воды, берег. До выхода в Кубенское озеро отсюда плыть всего 9 км, но дальше берега идут дикие, болотистые. Здесь был поставлен первопоселенцами первый дом. Позднее расположился и первый причал на реке. Отсюда была проторена сухопутная дорога через село Никольское к устью реки Кубены вдоль восточного берега озера.

Со временем у поселения на самом видном месте рубилась часовня или церковь. Погост расширялся и превращался в небольшой монастырь. Здешняя деревянная церковь, первая на Уфтюге, была освящена во имя Николая Чудотворца, культ которого был популярен в ростов-

ских и ярославских землях. Свято чтимый Никола являлся небесным заступником всех путешествующих, странствующих, и прежде всего на водах (Никола Морской — называли его поморы). Святитель Николай был особенно почитаем и среди крестьянства как первый небесный помощник в полевых работах. Многие заозерские церкви были освящены в честь Николая Чудотворца.

Время основания этого монастыря растворилось в дымке веков. Но у меня имеется одна версия его начала. В истории Кубеноозерья известен Герман Подольный (или Пустынник), инок Кирилло-Белозерского монастыря. Он состоял в переписке с Нилом Сорским, Нилом Полевым и неизвестным лицом, был писцом и владельцем так называемого Германа сборничка, в котором содержится описание книг библиотеки монастыря чудотворца Кирилла, составленное в конце XV в. В 1501—1509 гг., уйдя с берегов Сиверского озера, Герман, как пишет Г.М. Прохоров, «жил неподалеку от монастыря в Белозерском же крае, а после этого основал неподалеку от вологодского Прилуцкого монастыря собственный монастырь, Подольный...» (*Словарь книжников и книжности Древней Руси. С. 150.*) Не ошибается ли известный исследователь в определении места Подольного монастыря?

Собственных писем Германа Подольного до наших дней не сохранилось. В одном из посланий к нему, как к «изрядному и духовному господину моему старцу Герману», от не установленного лица содержится просьба Герману ни о чем не держать совета с неким Пенкою. По всей видимости, речь идет о князе Даниле по прозвищу Пенко, сыне последнего удельного ярославского князя Александра Федоровича Брюхатого.

Князьям ярославского дома Пенковым принадлежали вотчины, расположенные по соседству с монастырем на

Уфтюге. Если неизвестный автор передает совет своему старцу, то есть духовному наставнику, «не связываться» с владельцем тамошних мест, то очевидно, что сам адресат послания находился в это время в Подольном Успенском монастыре. Тогда объяснима и топонимическая фамилия Германа — Подольный, бывшего, по всей видимости, игуменом Успенского монастыря.

Зная место пребывания Германа Подольного и некоторые страницы его биографии, легко понять и содержание письма. Автор его был, очевидно, постриженным Кирилло-Белозерского монастыря и учеником старца Германа. По прошествии определенного времени духовный учитель решил основать в вологодских пределах свою пустынь. Он начал искать подходящее место и во время этих странствий посетил лесной скит Нила Сорского, о чем тот упомянул в одном из своих посланий к Герману. Очевидно, он советовался с преподобным Нилом.

Наконец Герман решил поселиться на реке Уфтюге в местечке Подольное, где к тому времени существовал храм Николая Чудотворца. Кирилловский старец для обустройства обители вызвал своих учеников, в том числе и автора письма. Прожив какое-то время на Уфтюге, этот монах проявил, как он сам пишет, слабость и своеволие, потому и покинул монастырь, отправившись обратно на Сиверское озеро. В Кирилловом монастыре он понял свою ошибку и стал просить Германа принять его в свою братию вновь. Вероятно, во время бесед с новым кирилловским старцем-наставником кающийся монах рассказывал ему о жизни в Подольном. Тут-то и оказалось, что кирилловский старец хорошо знал местного князя Данилу Пенко, и отнюдь не с лучшей стороны. Стремясь загладить свою вину, связанную с уходом из Подольного, монах со слов своего учителя передал Герману Подольному совет держаться

подальше от владельца тех мест. К тому же, опасаясь огласки, он попросил адресата никому не показывать свое письмо.

Известно, что Герман Подольный основал Успенский монастырь в 1509—1510 гг., а скончался в 1533 г. На старости лет он мог уйти из Подольного и поселиться в скиту, как Нил Сорский, отчего и получил второе прозвище — Пустыжник. Уход его был продуманным шагом, выражением протеста против стяжания монастырями материальных ценностей и наличия у них вотчин с крестьянами.

Происходил Герман Подольный из знатного рода Буруновых, которые вели свою родословную от кабардинского князя Редеди, убитого в 1022 г. в поединке с первым тмутараканским князем Мстиславом Храбрым. Кирилловский монах в своем письме торжественно величает его: «От благородного корене родившемуся и от благочестивых родителей воспитанному».

Еще раз убедился я, как тесен наш мир. Адыгейский писатель Исхак Машбаш, которого я знаю буквально с детских лет, написал роман о князе Редее, переведенный на русский язык. Я с Исхаком как-то дискутировал о поединке адыгского и русского князей. Проявил ли Мстислав вероломство, убив Редедю, и насколько его поступок может быть оправдан, исходя из обычаев тысячелетней давности? Спор этот так и не закончен. Но я сейчас пишу о другом, о стечении обстоятельств, когда потомок этого Редеди, отпрыск «благородного кореня» вдруг объявился на вологодской реке Уфтьюге. Есть чему удивляться!..

Для своего времени Герман Подольный слыл культурнейшим и образованнейшим человеком. Составленная им опись книг библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, по свидетельству Г.М. Прохорова, является ценнейшим источником по истории монастырской библиотеки, библиотечного дела и книжной культуры Северо-Восточной Руси

XV в. Он был знаком с такими блестящими умами Древней Руси, как Паисий Ярославов, старший брат Нила Сорского Андрей, Дионисий Звенигородский, Нил Полев.

Герман Подольный, кажется, помимо своей воли, оказался среди активных участников межцерковной борьбы, где, с одной стороны, выступали «заволжские старцы», а с другой стороны — сторонники Иосифа Волоцкого. В числе активных иосифлян фигурировали и два его постриженника и ученика, Нил Полев и Дионисий Звенигородский, жившие в эти годы в белозерских и кубеноозерских скитах, основавшие позднее и собственные пустыньки. По своему возвращению в 1511 г. в Москву они сделали донос на сторонников Нила Сорского, в том числе и на Германа Подольного. По мнению Г.М. Прохорова, эти два монаха были посланы «на своего рода разведку в северное Заволжье», где под влиянием Нила Сорского «развивалось скитское и отшельническое подвижничество: в этой среде идеи Иосифа Волоцкого о монастырском владении селами и о безжалостном истреблении еретиков (речь идет о жидовствующих. — В.Д.) встречали сопротивление» (*там же*. С. 129). Но если мы согласимся с тем, что один из авторов переписки с волоцким «разведчиком» Нилом Полевым, Герман Подольный основал на Уфтьюге свой монастырь*, к которому вскоре отошли в качестве вкладов окрестные деревни, то утверждать о каком-то «сопротивлении» владению селами и крестьянскими душами со стороны «собеседников» Нила Сорского нет оснований.

Иное дело — отношение к казням еретиков, призывы о «милости к павшим». Судя по контексту посланий Нила Поле-

* То, что Герман являлся игуменом Подольного монастыря, доказывает присылка им «грамотки», не дошедшей до нас, к Нилу Полеву с дьяконом своим Ильей.

ва к Герману, кубенский игумен стоял на истинно христианской позиции: «Судить не подобает никого — ни верни, ни неверни, но подобает молиться о них, а в заточения не посылати». Герман в этих разногласиях и даже спорах видится большим христианином, чем его ярые оппоненты. Он их мягко увещевает, просит у них прощения за то, что «чужая грехи глаголат», вновь призывает «не судити» других. В ответ — жесткие заявления Нила Полева, истового спорщика, другие «провокационные приемы», как их определяет Г.М. Прохоров.

Содержание этих «грамоток» приоткрывает для нас мир духовных исканий иноков вологодских монастырей и скитов, показывает их широкую начитанность и грамотность, личную сопричастность проблемам и спорам своего времени. Они являлись активными участниками интеллектуальной жизни страны, были в курсе всех ее перипетий и конфликтов. «Чернецы болотные» выступали смелыми ревнителями православия, защитниками истинной веры, далекими от московских интриг и «каверз». У монашеской колонии, возникшей в этих местах, авторитет в широких слоях тогдашнего общества был чрезвычайно высок. Все — от великих князей до простых смертных — приезжали сюда для покаяния и спасения и получали в ответ слова утешения и ободрения, «восстанавливались душой», как сказано в одном житии местного святого.

Судя по той же переписке Германа Подольного с Нилом Полевым, существовали активные связи между монастырями и пустыньками, старцы и чернецы регулярно встречались друг с другом, чтобы обсудить возникающие проблемы. Духовный нерв здешней жизни бился особенно напряженно.

История Подольного Никольского Успенского монастыря требует дальнейшего изучения и описания. В современных исследованиях о нем нет ни одного

упоминания. Впервые я узнал о некогда существовавшем на Уфтюге монастыре из писцово-дозорной книги 1616 г., составленной Елизарьем Денисьевичем Беседным и подъячим Любимом Столбицким. В книге перечислялись вотчины монастыря — деревня Филинская и село Сенкино (Семкино) с деревнями и пустошами. Это, по-видимому, нынешние деревни Филенское и Сянино, расположенные рядом с селом Никольским, откуда идет проселочная дорога в Подольное.

В.В. Зверинский дает следующую справку во втором томе своих «Материалов...» под номером 1058:

«Подольный-Успенский, мужской, ныне погост Успенский-Подольский, Вологодской губернии, Кадниковского уезда, Заболотско-Юковской волости. В 80 верстах к северо-западу от Кадникова и в 4 верстах от деревни Погореловой, где находится волостное правление. Уже существовал в XVII столетии, когда упоминается игумен Авраамий в 1617 г. В 1718 г. принадлежал к числу состоятельных в епархии, и в 1732 г. здесь было 10 иноков. В 1764 г. упразднен и обращен в приход».

Двойное название монастыря сохраняло храмостроительную преемственность от древнейшей церкви Николая Чудотворца, которая либо вошла в состав церковных построек монастыря, освященного в честь Успения Пресвятой Богородицы, либо была по ветхости разобрана, а может, и сгорела.

Память о Подольном Никольском Успенском монастыре на Уфтюге в истории Кубеноозерья постепенно исчезла. Имя Германа Подольного известно только специалистам по изучению древнерусской литературы и истории. Ни икон, ни церковной увари от монастыря не сохранилось. Сегодня на месте обители виднеются одни лишь каменные развалины приходской Успенской Подольской церкви и колокольни, возведенных в 1822 г.

В 2005 г. мы добрались по озеру на катере до этих мест. От реки Уфтюги к бывшей обители ведет глубокий канал, прокопанный монахами. Он совсем зарос, но по его высокому склону, по тропе можно добраться до церковных строений. К ним с трудом можно подойти — так разрослись лопухи и крапива. А кладбище еще живо, на отдельные могилы приходят местные жители, прибирают их.

Монастыри, как и люди, стареют и умирают. Природные условия Севера редко позволяли общежитиям иноков превращаться в огромные по территории монашеские города наподобие Кирилло-Белозерской «государевой крепости». В наших краях получила широкое распространение небольшая обитель — малый монастырь, своеобразный тип монашеского общежития. Выдающийся вологодский историк А.В. Камкин характеризует его таким образом: «Очевидно, что такие монастыри могли оформляться вокруг некоторых приходских храмов. Здесь образовывались своеобразные общины «старцев» или «стариц». Ими могли стать и те бобыли и нищие, которых повсеместно упоминают писцовые и переписные книги живущими в кельях близ сельских церквей. Вполне вероятно, часть из них имела законное пострижение от игумена или строителя какого-нибудь местного монастыря. Эти малые монастыри были наиболее близки крестьянству. Их жизнь определялась волей и традицией местного «мира». Содержали их всем обществом... Малые черносошные монастыри Севера, как нам представляется, были уникальной страницей истории монашества, к тому же их эпоха — XVI—XVII столетия — сравнительно недолговечна. Новые времена делают невозможным их существование» (Камкин. С. 63—64).

Выявить и учесть в истории Кубеноозерья такие малые монастыри чрезвычайно трудно. Прав исследователь, что они сосуществовали вместе с приходскими храмами. В нашей деревне Коробово ря-

В 2005 году мы добрались по озеру до этих мест

дом с разрушенным храмом Архангела Михаила стоит крепкая еще двухэтажная (низ каменный) гостиница для паломников. В 70-х гг. XX в. в ней размещался детский сад льнозавода, а сейчас это частное владение. Сколько же должно было приезжать в небольшую деревеньку паломников, чтобы разместиться в этом огромном доме!.. И такие просторные помещения имелись рядом со многими приходскими храмами Кубеноозерья. Они вполне могли использоваться и в качестве церковных богаделен. Для местного богатого крестьянского мира не трудно, даже почетно было содержать убогих «стариц» и «старцев».

И последнее. Из епархиальной газеты «Благовестник» № 6—8 за 2000 г. я узнал, что в 1953 г. Вологодским облисполкомом была отклонена просьба верующих Усть-

Кубенского района из села Подольное, деревень Юково, Бор и Шабарово Никольского сельсовета об открытии храма Успения Божьей Матери в Подольном. Отклонена без всяких разъяснений.

ЛЫСОГОРСКИЙ БОГОРОДИЦЕ- РОЖДЕСТВЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

От устья Уфтюги сегодня можно легко добраться по хорошему шоссе до устья реки Кубены, более многоводной, разлив которой в дельте достигает несколько километров. Здесь, напротив богатого села, так и названного — Устье на знаменитой Лысой горе, когда-то тоже стоял монастырь. Я его отношу к малоизвестным кубеноозерским обителям, как и монастыри у сел Кубенское, Пески и Подольное. Но если о первых трех можно еще найти

кое-какие сведения, то о Лысогорском монастыре таких данных практически нет. В Устьянском краеведческом музее, расположенном в красивом Преображенском храме, имеется только упоминание, что в селе Чирково когда-то в древности стоял женский монастырь. Не сохранилось даже его название.

Впрочем, имя монастыря установить еще можно. На Лысой горе, помимо ныне существующей церкви с колокольной в честь святого Афанасия, Патриарха Александрийского, освященной в 1863 г., находилась еще холодная церковь Рождества Пресвятой Богородицы с одним престолом постройки 1791 г. Об этом в местной районной газете «Северная новь» 13 мая 2000 г. сообщил отец Владимир, настоятель Афанасьевской церкви. Богородицкую церковь разрушили сравнительно недавно, в 60-е гг. XX в., «на кирпич». Она являлась приходской церковью в селе

Стоял он на одном из самых высоких мест на побережье Кубенского озера...

Чирково и осталась от некогда существовавшего здесь монастыря. Если это так, то полное наименование женской обители звучало так: Лысогорский Богородице-Рождественский женский монастырь. Сведений об этом монастыре не сообщает ни В.В. Зверинский, ни Александр Ратшин. Только в «Дозорной книге монастырских вотчин в Первой и Заозерской половинах письма и дозора Петра Васильевича Ушатова и подъячего Савина Неведьева» в списке от 1615—1619 гг. упоминаются «вотчины монастыря Богородицы на Лысой Горе на реке Кубенке». Эти данные подтверждаются и писцовым списком, составленным не позднее 1626—1627 гг. А уже в списке 1668—1676 гг. содержание записи меняется: «...волость Закушская (т.е. за рекой Кушта), погост на Лысой горе». Значит, в период с 1627-го по 1668 г. Лысогорский монастырь был расформирован и на его месте образовался погост с деревянной приходской церковью. Вот почему данные о монастыре не попали в известные справочники, так как обитель перестала существовать по каким-то причинам до секуляризации монастырских земель и ликвидации части монастырей в XVIII в.

Что же могло случиться, если этому женскому монастырю пришлось самоликвидироваться? Стоял он на одном из самых высоких на побережье Кубенского озера мест, откуда открывалась прекрасная панорама. Рядом находились два богатейших села — Устье и Чирково. Река Кубена связывала монастырь со всей округой и выводила к известным водным путям.

Ответ на этот вопрос кроется в тяжелых хозяйственных и бытовых условиях, сложившихся в нашем краю в XVII в. Н.И. Суворов писал об этой эпохе: «Во время 700-летнего существования своего никогда Вологда не испытывала столь тяжелых общественных бедствий, как в XVII в. Это был для нее, можно сказать,

век искушений, век особенных посещений Божьих. В начале его она была почти до основания разорена поляками и литвой; в половине посетил ее лютый мор, истребивший великое множество ее граждан; спустя пять лет после того постиг двухлетний жестокий голод, который через десять лет снова повторился и продолжался два года» (*Памятная книжка Вологодской губернии на 1860 г.* С. 3).

Могу предположить, что Лысогорский монастырь еще как-то пережил польско-литовское и казацкое разорение, о чем говорят записи в писцовых книгах. Но дальнейшие трагические события — мор, голод, прокатившиеся по вологодской земле, — вынудили монастырь закрыться. В дальнейшем его крепко забыли. Да, именно так — ни священник Иоанн Верюжский, ни духовный писатель А.Н. Муравьев в своих книгах его не упоминают*.

Нам остается также догадываться и о том времени, когда возник Лысогорский монастырь. В предыдущих главах я подробно писал о месте, где он стоял, по-своему замечательном и одном из самых знаменитых в Кубеноозерье. Лысая гора самой природой была создана для места совершения культовых обрядов. Сначала язычники, потом первые христиане, бе-

* Историк и краевед И.К. Степановский воспроизводит в своей книге предание, расходящееся с моей версией. «На Лысой горе, — пишет он, — стоял некогда женский монастырь во имя Афанасия и Кирилла, патриархов Александрийских, но паны полонили лысогорских монастырок и самый монастырь разорили. Теперь на этом месте стоит Богородская Лысогорская церковь, перенесенная сюда в XVII столетии из деревни Кочурова» (Вологодская старина. Историко-археологический сборник. Составил И.К. Степановский. Вологда, 1890. С. 431). Предание явно легендарно, о чем убедительно говорят писцовые и дозорные книги XVII в. Кстати, и сам И.К. Степановский цитирует в другом месте дозорную книгу 1613 г., где упоминается существование «Богородицкого монастыря на Лысой горе», не замечая, что эта запись противоречит приводимой им легенде.

зусловно, использовали ее природные особенности. Здесь находилось и капище, и стоял православный крест, и возвышалась часовня, и была срублена шатровая церковь.

Монастырь на Лысой горе заложила святая благоверная княгиня Мария, жена святого благоверного князя Дмитрия Заозерского, после его гибели в 1429 г. В традициях отпрысков ярославского княжеского дома было иметь свои монастыри. Это удельное княжество вообще представляло исключение в Северо-Восточной Руси. Там сложился обычай хоронить членов княжеских династий в соборных церквях. В 1216 г. князем Всеволодом Константиновичем был основан Спасо-Преображенский монастырь в Ярославле, ставший родовой усыпальницей местных княжеских особ, которые перед своей смертью в нем и постригались.

После раздела вотчин на Кубене и в Заозерье между сыновьями князя Василия Васильевича Ярославского каждый из них захотел иметь свою монашескую обитель. Такая традиция соблюдалась вплоть до последнего удельного ярославского князя Александра Федоровича Брюхатого, владевшего по наследственной линии Спасо-Каменным монастырем. Князь Дмитрий Заозерский, активно помогавший монашеским насельникам учреждать в своих владениях новые монастыри, у себя в Чирково поставил церковь во имя своего небесного покровителя священномученика Димитрия Солунского. Она возвышалась на Лысой горе, а внизу, на берегу реки Кубены была построена княжеская усадьба. О том, что такая церковь существовала, говорит и Ермолинская летопись в сообщении о нападении князя Василия Косого на вотчину князей Заозерских зимой 1435 г.: «...иде в Заозерье, и пришед, ста у Дмитрия святого на устьи». То есть князь Василий Косой остановился в устье реки Кубены у церкви Димитрия Солунского. Кстати,

такая «недоговоренность» летописца лишний раз подтверждает вывод историков, что в основу Ермолинской летописи лег летописный свод, который велся в Кирилло-Белозерском монастыре. Подобные географические детали, как и факты, мог знать и зафиксировать только местный житель, в данном случае местный монах-летописец. Современные же историки путаются в этих вопросах как в трех соснах. А.А. Зимин в книге «Витязь на распутье. Феодалная война в России в XV в.» пишет в отношении последнего эпизода буквально следующее: «По Ермолинской летописи, он (Василий Косой) двинулся с Вологды в Заозерье «и, пришед, ста у Дмитрия Святого на устьи». И далее историк поясняет: «Речь идет о реке Устье». Но эта река находится в десятках километрах северо-восточнее и никак не относится к территории Заозерья. Цитирую снова Зимина: «Князь Дмитрий Заозерский (очевидно, союзный с Дмитрием Шемякой, а значит, в то время и с Василием II) не хотел пропустить Василия Косого в Новгород...» Странно, почему историк называет участником битвы в Чирково князя Дмитрия Заозерского, погибшего от казанских татар за шесть лет до этих событий. Ермолинская летопись в следующем же предложении после рассказа о «стоянии на устьи» отрядов Василия Косого ясно говорит о Федоре Дмитриевиче Заозерском, старшем сыне князя Дмитрия Васильевича, который дал бой Косому, но потерпел поражение. И если уж говорить до конца, то ни в какой Новгород Василий Косой не пробивался, он «изгоном» шел в противоположную сторону по Сухоне в город Устюг. Подобных фактических ошибок в книге А.А. Зимина немало. Даже заключая рассказ об этом эпизоде княжеской войны, историк вновь ошибается: «Военные действия захватили Ярославщину и Белоозеро» (Зимин. *Витязь на распутье*. С. 73). Правильнее сказать: Вологду, Кубену, Заозерье и Сухону,

а уж никак не Ярославское княжество или Белозерское, не имевших к этим событиям прямого отношения.

Но вернемся к Дмитриевской церкви. Бесспорно, что она, построенная князем Дмитрием Заозерским, существовала на Лысой горе еще до 1429 г. Красивая, деревянная, видимая издалека. А в память своего и дочеринного избавления из плена у Василия Косого, случившегося на Пасху того же 1435 г. в Великом Устюге, княгиня Мария решила основать у себя в разоренном гнезде женский монастырь.

До Москвы, естественно, дошли известия, как лучшие полководцы Василия II попали в «вологодское имание», были пленены Косым, что только отряд кубенских крестьян во главе с князем Федором Заозерским, вдохновляемый княгиней Марией, смело и мужественно вступил в бой с войском Косого, пытаясь заодно отбить великокняжеских воевод, и как он потерпел в этой неравной битве тяжелое поражение, окрасив кровью путь своего отступления по льду Кубенского озера до реки Порозовицы. Василий II не мог не отблагодарить Заозерских за их подвиг, тем более что разбойный отряд Косого в гневе разорил и сжег их княжескую усадьбу.

На полученные от великого московского князя средства княгиня Мария отстроила заново не только княжеские хоромы, но и осуществила свою мечту — основала Богородице-Рождественский монастырь на Лысой горе рядом с храмом священномученика Димитрия Солунского, ставшим памятником ее мужу.

К сожалению, не сохранилось или не было написано житий святого благоверного князя Дмитрия Заозерского и святой благоверной княгини Марии. Неизвестно, где и когда Мария Заозерская закончила свои дни. Мне кажется, что эта неординарная, волевая и мужественная женщина, умевшая добиваться своих жизненных целей, все-таки ушла в осно-

ванный ею Богородице-Рождественский монастырь на Лысой горе, здесь постриглась, здесь вскоре и скончалась. Именно этот ее поступок, а также и вся предыдущая жизнь благоверной княгини-вдовы позволили во времена репрессий против князей Заозерских Василия Темного признать ее святость. Она, эта святость, носила народный характер. Почитание родилось от земляков княгини, как и убеждение в святости ее младшего сына князя Андрея, в иночестве Иоасафа.

Заканчивая свой рассказ о забытом заозерском монастыре, я добавлю, что имеется какой-то Божий промысел в том, что долгое время единственным действующим храмом в Кубеноозерье являлась Лысогорская Афанасьевская церковь в деревне Чирково, стоящая на поистине святом месте. Народная память о князьях Заозерских жила до середины XIX в. В 1848—1849 гг. на месте княжеских хором в деревне Чирково была поставлена каменная часовня, сохранившаяся в наше время, в честь святого Димитрия Солунского.

Когда на 40-летие мне подарили офорт художника И.А. Прилуцкого «Озеро Кубенское. Лысогорская Афанасьевская церковь», невесть как оказавшийся в художественном салоне на Ленинском проспекте, то этот вид стал одним из самых памятных для меня.

Белая свеча Афанасьевской колокольни видна из окон нашего дома, особенно на закате солнца. Она очень далеко от нас, но от ее пламени зажигаются очаги православия по всему берегу озера. Скоро будет построена и церковь Михаила Архангела в нашем селе Новленском. Не идущий ли это многие километры свет с Лысой горы от церкви священномученика Димитрия Солунского, от одной из первых кубенских монашеских обителей — Лысогорского Богородицкого монастыря?.. Так свет от померкших звезд доходит до нас и не оставляет в ночи одинокими.

СВЯТО-ЛУКСКИЙ НИКОЛЬСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Вологодский ботаник и краевед начала XX в. Н.В. Ильинский писал, что от церкви Рождества Пресвятой Богородицы на Лысой горе до церкви в деревне Святая Лука в истоке реки Сухона тянется песчаная гряда, так называемый оз, длиной 15 верст. Современный исследователь А.В. Кузнецов считает, что это береговой вал, намытый доледниковым праж-Кубенским озером. Он распознается и на карте, согласно которой, возвышенность над уровнем озера здесь поднимается до 9 метров, и по ней идет дорога до деревни Прилуки. За этим песчаным валом вновь начинаются болота междуречья Сухоны и Кубены.

Связь между Лысой горой и Святой Лукой существовала не только географическая, но и духовная. Здесь, в истоке Сухоны, находился Свято-Лукский мужской монастырь. Александр Ратшин дает о нем следующую справку:

«В глубокой древности существовал тут, при деревне Святая Лука, общежительный монастырь, о времени основания которого никаких сведений нет; в конце XIV века оставалась от этой обители одна только запустелая и разрушавшаяся церковь святого евангелиста Луки. Преподобный Дионисий Глушицкий поселился тут с братом своим преподобным Пахомием и, возобновя обитель, построил тут, в 1393 году, церковь Николая чудотворца. Когда же святой Дионисий отошел в пустыню на реку Глушицу, то настоятелем здешней обители остался помянутый брат его инок Пахомий, которого и гробница находится здесь под спудом. О времени уничтожения сего монастыря неизвестно».

Если мы согласимся с мнением Н.В. Ильинского о намытой здесь озером гряде, то природный изгиб Сухоны при ее истоке действительно является речной

лукой, то есть излучиной русла, которое ищет протоку среди песчаных наносов. Александр Круглов, путешествуя по Сухоне и Кубенскому озеру, записал свои впечатления об этом месте: «За Шерой идет большая коса, далеко вдавшаяся в воду; это — Святая Лука, на которой стоит церковь во имя евангелиста Луки. Около церкви церковный дом, и больше никаких жилых строений. Храм стоит одиноко среди зелени. Село того же названия в стороне. Это местечко Сухоны в середине жаркого лета так пересыхает, что по дну реки можно ехать в телеге с большим возом» (Круглов. С. 682).

Итак, излучина (лука) и имя евангелиста совпадают. Основатели монастыря вряд ли занимались игрой в слова, одно из которых для православного человека является святым. Уподоблять евангелиста Луку (даже случайно) речной луке по меньшей мере странно, если не кощунственно. Об этом еще писал Иоанн Верюжский: «...Если бы от церкви или от монастыря произошло название места, то оно называлось бы святой Лука, как и называются многие местности около Кубенского озера: Васильян, Трифон святой и др. Так как в рукописи Жития преподобного Дионисия пишется: «Прииде, Богу наставляющу, в весь, глаголемую святая лучица», т.е. на излучину, а в Сказании Паисия Ярославова о князе Глебе говорится: «Пойде оттуду по Кубенскому озеру к великой реке Сухоне, яже течет из Кубенского озера, и прииде ко острову кривой луке, около два поприща, а поперек яко в вержение каменю, князь же прекопа и потече тем рвом великая река Сухона и крест постави», — то мы думаем, что название святой луки произошло не от церкви евангелиста Луки, едва ли когда бывшей тут, а от излучины или колена, которое тут делала прежде Сухона, освященного сперва поставлением близ него креста, а потом устройением монас-

тыря и церкви» (*Исторические сказания о жизни святых... С. 180*).

Определение «святая лука» также, думается, родилось не случайно и имеет реальный смысл. В.Н. Топоров в статье «Об одном архаическом индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре — *svet—», рассматривая этимологию этого понятия и трансформацию его в русской духовной жизни, делает вывод о глубоких исторических корнях в русской традиции идеи святости и самобытности ее понимания. В северной средневековой топонимии крайне редко употреблялось это понятие. Как я выяснил в поземельных описаниях XVI—XVII вв., географические названия с определениями «святая» и «святой» не зафиксированы, кроме некоей местности Святое Раменье. И это на весь Русский Север! Святость той или иной территории, где располагался особо почитаемый в народе монастырь или храм, подчеркивалась не названием местности, а народной молвой, которая не связывала напрямую земное и небесное. Богу — богово, а кесарю — кесарево. Мы не говорим: Святой Кириллов или Святое Ферапонтово, хотя эти места для нас являются символом святости русского духа. С этой точки зрения не в русской традиции читается название нашей северной столицы — Санкт-Петербург, то есть святой город Петра, и уж совсем нелепо звучит самоназвание его горожан — санктпетербуржцы, употребляемое все чаще. Получается, что все жители города по своему местожительству ни больше и ни меньше, как святые.

Святость излучины Сухоны должна основываться на каких-то древних поверьях и легендах. То, что там находился монастырь, еще не повод к утверждению в народном сознании столь высокочтимого и крайне редко употребляемого понятия в названии географического места. Сакральность истока судоходной реки Сухоны, открывающей путь на восток, к

солнцу, заключалась в особом почитании этого места, вероятно, еще со времен глубокой древности.

То, что в языческие времена излучина в истоке Сухоны особо почиталась, для меня очевидный исторический факт. Академик Б.А. Рыбаков называет остатками языческой старины, к примеру, Святые горы. В Вологодской области, как показал А.В. Кузнецов, имеются и Святые озера, отличающиеся своей глубиной и кристально чистой водой. Почему бы не быть и Святой излучине, то есть луке на «великой реке Сухоне»? На ней разжигали огонь для тех путешественников, кто искал, проплывая Кубенское озеро, входное русло реки. Это были водные створы-ворота, а в народных верованиях они наделались таинственной природной силой. Сухонская лука спасала, как тихая гавань, тех, кого настигала буря на озере. Природный феномен крутых песчаных изгибов русла виделся древнему человеку наподобие лабиринтов, которые в ритуальных целях выкладывались из больших камней в местах, особо почитаемых. Чтобы найти выход из этого кручения-верчения, необходимо было принести жертву богам, «замаслить» их, чтобы они дали возможность выйти из этого лабиринта.

Князю Глебу Васильковичу Белозерскому, сметливому хозяйственному властителю здешних мест, замытый песками исток Сухоны явно не понравился. Он направил сюда крестьян-копателей, и они прорыли небольшой канал, позволивший по прямому пути выходить на главное русло реки, минуя все повороты излучины. Ирригационными работами в Европе в XIII в. никто еще не занимался, не было опыта, а для местных жителей такой канал был сродни чуду, память о котором долго жила, пока эти рассказы не записал в XV в. Паисий Ярославов. В наше время в истоке реки образовался узкий песчаный остров, конфигурация отмелей его

каждый год меняется, поэтому без ежегодного углубления дна не обойтись.

Святая лука на современных картах называется просто — Лука, а село, стоявшее при монастыре, носит имя Прилуки. Сакральность этого места и вовсе забыта. Князь Глеб, устанавливая здесь на берегу крест, вряд ли отмечал памятным знаком прорытый канал. Его крест попирали поганое мольбище и «очищал» от языческих духов реку Сухону от истока ее до слияния с рекой Юг, до Гledenского монастыря, основанного в XII в. Князь Глеб в верховьях реку как бы окрестил.

Так что имя Свято-Лукского монастыря не имеет отношения к евангелисту Луке. Когда в конце XIV в. на этом месте, где сохранялись остатки древнего монастыря, поселились Дионисий и Пахомий, то они принялись рубить новую церковь во имя святителя Николая. Монахи возобновляли монастырь, не меняя его имя. Посвящение его Николаю Чудотворцу выглядело вполне правомерно с точки зрения храмостроительной практики и русской церковной традиции, так как этот святой являлся небесным защитником всех путешествующих по воде. По всему восточному побережью Кубенского озера располагались храмы в честь святителя Николая — от села Подольного, о котором я писал, до волостного центра в селе Никола-Корень, в котором церковь Николая Чудотворца сохранилась до наших дней. В просторечии святителя Николая называли Николой Мокрым. На берегу Сухоны в 40 верстах от Вологды находился монастырь в честь Николы Мокрого, он официально числился как Николаевская Мокрая пустынь.

Но почему и когда Свято-Лукский монастырь оказался заброшен? Ответом могут стать драматические события 1398 г., когда новгородское войско в количестве трех тысяч человек (по другим данным — до восьми тысяч воинов) под командованием посадника Тимофея Юрьевича и во-

евод Юрия Дмитриевича и Василия Синца «воевало» кубенские волости и Устюг, а затем и Северную Двину — дальнюю цель своего похода. Их путь пролегал по Кубенскому озеру и Сухоне, и всюду они творили «разор» и опустошение.

Сведения об этом походе дошли до нас в Холмогорской летописи и в Двинском летописце, которые подробно рассказывают о войне с новгородцами на Северной Двине. Для двинских летописцев верховья Сухоны находились слишком далеко, и поэтому они ограничились лишь общими фактами разорения этих земель: «Кубенски волости повоеваши. Оттуда в насадах приплывшие к Устюгу и посад пожгоша». Но и без подробностей можно представить, какой жестокостью отличалась карательная экспедиция. Новгородцы решили наконец примерно наказать зарвавшихся «низовцев» — выходцев из Ростово-Суздальской земли и нагнать страха на великого московского князя Василия I, незадолго до этого присоединившего Двинские земли к Московскому княжеству, что сильно ущемляло традиционные владельческие права Господина Великого Новгорода в Заволочье.

Новгородцы могли приложить руку и к разрушению Никольского монастыря на Сухоне. В таких походах православные святые не щадились. Грабили наиболее ценное, а ценности в те времена находились в храмах и монастырях. Приведу такой пример. Летопись, рисуя «свободолюбивый» характер новгородской ватаги, упоминает о некоем Ляпуне, который при разграблении соборной церкви в Устюге прихватил с собой в качестве трофея чудотворный образ Богоматери Одигитрии. Заскочив в ладьи-насады с награбленным, ватажник и новгородское войско, к своему удивлению, не смогли сдвинуться с места, будто какая-то неведомая сила их не пускала. Тогда догадливый Ляпун полотенцем обмотал святую икону, приговаривая при этом: «Пленный должен быть

связан, чтобы идти в чужую страну». Насады после такого «пленения» устюжской святыни легко струнулись с места. Свою лихую жизнь Ляпун, как свидетельствует летопись, закончил трагически — его сбросили в Новгороде с моста и утопили. У моего отца написана повесть об этом реальном историческом персонаже «Ватажник Ляпун».

Такие ляпуны могли отличиться на Святой луке, «повоеваша» этот кубенский монастырь, отчего он и пришел в запустение, которое было прервано появлением в этих краях двух монахов со Спас-Каменя, направленных сюда для возобновления обители.

Преподобный Дионисий, согласно его Житию, вскоре после обустройства на Святой луке отправился в Ростов к архиепископу Григорию, бывшему игумену Спасо-Каменного монастыря, за благословением на возобновление Никольской обители и на освящение новой церкви. Напомню, что преподобный Григорий Премудрый, как я писал в главе о Спасо-Каменном монастыре («Дом Спаса»), был посвящен в ростовские архиепископы в 1396 г. Он незамедлительно дал свое благословение на возобновление старинного монастыря.

Со Святой луки преподобный Дионисий через какое-то время отправился искать новую пустынь, на этот раз на реке Глушице, где он и основал первый из двух своих знаменитых монастырей — Глушицкий-Покровский-Старый, позднее ставший лаврой. «...А Пахомий, — пишет Иоанн Верюжский, — остался на Святой луке, прилагая труды к трудам и служа примером для начавшей уже собираться к нему братии. Но на этом и оканчиваются дошедшие до нас письменные о нем сведения, так что мы ничего не можем сказать ни о дальнейших его подвигах, ни о времени блаженной его кончины и о месте погребения. Никольский монастырь на Святой луке впоследствии припи-

сан был к Вологодскому Борисоглебскому монастырю, находившемуся на острове реки Сухоны, называемом Глебов, в 10 верстах от Шуйска, а в 1479 году великая княгиня Мария грамотою своею передала его в ведение Спасокаменного, вознаградив за него Борисоглебский монастырь деньгами. Не эта ли приписка Святолуцкого монастыря к другим и была причиной того, что до нас не дошло сведений о последующей жизни его основателя?» (*Исторические сказания о жизни святых... С. 214.*)

Достоверных сведений о Вологодском Борисоглебском монастыре мне не удалось найти. Сомнительно уже то, что он называется Вологодским, то есть городским, хотя, по словам Верюжского, был расположен на Сухоне. Здесь, очевидно, вкралась какая-то ошибка. Исправляя ее, скажу, что скромная Свято-Лукская обитель, где покоятся под спудом мощи одного из кубеноозерских святых, преподобного Пахомия, была приписана все-таки не к вологодскому, а к ростовскому Борисоглебскому монастырю в Ярославской области, сегодня широко известному. Семейство Василия Темного, отобрав у последнего удельного ярославского князя Александра Федоровича Брюхатого Спасо-Каменный монастырь, лишило и Борисоглебский монастырь его приписной обители с вотчинами на Сухоне*.

Указная грамота великой княгини Марии Ярославны, вдовы Василия Темного, игумену Спасо-Каменного монастыря Логгину о придаче к нему Николаевского монастыря в Святой луке, у истока реки Сухоны, и о производстве описи имущества приписного монастыря, по мнению современных исследователей, была выда-

* Историк К.В. Баранов в недавнем исследовании о происхождении Паисия Ярославова пишет: «В 1470-х гг. великая княгиня Мария Ярославна передала Никольский в Святой луке монастырь (приписной к Ростовскому Борисоглебскому) Спасо-Каменному монастырю...» (*Баранов. С. 272.*)

на около 1474—1478 гг. В ней, кстати, называется Борисоглебский монастырь, но без указания места его расположения. Дьяк Майко, брат Нила Сорского, составивший и подписавший грамоту, весьма точно называет местность, где расположен приписной монастырь, — Святая лука, а также и сам монастырь — Николаевский. Приказной характер грамоты лишней раз показывает, как московский великокняжеский дом напористо расправлялся с последними остатками удельной старины. Всего лишь тридцать лет назад та же великая княгиня Мария, гонимая и униженная, со своим, только что Дмитрием Шемякой ослепленным мужем Василием Темным приезжала в эти края. И вот по слову и указу Марии Ярославны вершится закон и право в Заозерье и на Кубене.

Через короткое время летит уже другая грамота на Каменный остров тому же игумену Логгину, теперь уже от сына великой княгини, владельца здешних мест по завещанию Василия Темного князя Андрея Васильевича Меньшого. Новыми селами с деревнями жалует великокняжеский монастырь князь, не забывая и себя: «А с тех сел с Отводного и с Константиновского, и со всех деревень монастырских, и святолуцких деревень, игумен и его братья дают мне, князю Ондрею Васильевичу, obroком, з году на год, в мою казну, на збор, по десяти рублев, и более того им не надобе ничто». Спасо-Каменный монастырь, а вместе с ним и приписной к нему Свято-Лукский Никольский становятся державным проводником политики в Кубеноозерском крае московской великокняжеской семьи.

За поддержку Василия Темного в год его унижения и опалы оплачено сполна, с московской щедростью, и теперь необходимо уже самому монастырю «отрабатывать» княжескую милость, присматривать за лишенными многих прав последними оставшимися здесь кубенскими, заозерскими, сямскими и бохтюжскими

вотчинниками и их тиунами. А если монастырских людей, добавляет в своей грамоте новый владелец Заозерья, «кто чем изобидит, ино тому от меня, князя Ондрея Васильевича, быти в казни».

Будучи приписным, Николаевский монастырь жил и развивался как бы в тени Спасо-Каменного, вспоминая прошлые годы, своих насельников, чудотворцев Дионисия и Пахомия. Он служил какое-то время летней и зимней резиденцией каменных игуменов на «материке». Позднее настоятели со Спаса начали плавать в более близкий Успенский-Куштский монастырь. После суровых островных условий здесь можно было отдохнуть и набраться сил. Николаевский монастырь незаметно изнегился (исчез. — *Ред.*). В писцовых книгах XVII в. село, у которого он стоял, описано уже в числе вотчин Спасо-Каменного монастыря — «в Бохтюжской волости село, «что был монастырь Св. Луки». Так, видим, монастырь из Николаевского переименовали в монастырь евангелиста Луки. Запись, говорящая о том, что сам монастырь уже не существовал.

Может быть, настанет время, когда в память о князе Глебе Васильковиче Белоозерском, в напоминание нам о древнем Свято-Лукском Николаевском монастыре, воскресшем, как птица Феникс, благодаря духовному подвижничеству Дионисия Глушицкого и Пахомия Святолуцкого, установят на сухонской речной луке видимый издалека знак — крест, лучший памятник русским поселенцам в Кубеноозерье и продолжателям их славных дел в заволочских, уральских и сибирских просторах.

СЯМСКИЙ-РОЖДЕСТВЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

А теперь переедем или переплывем в своем паломничестве на противоположный берег озера. Здесь сохранились остатки Сямского-Рождественского мона-

Нет сегодня ни благолепного храма, ни чудотворной иконы...

стыря, когда-то богатого и славного, на трех ярмарках у которого гуляла, и не раз, моя родня, приписанная к деревням Сямской волости.

«Сямский-Рождественский, — пишет Александр Ратшин, — мужской заштатный, в 62 верстах от губернского города Вологды, близ Кубенского озера. Основан в 1524 году. Здесь соборная церковь двухэтажная, в котором престолы: вверху Рождества Богородицы, а внизу Благовещения. В этом храме находится явившаяся в 1524 году чудотворная икона Божьей Матери, именуемая Сямскою, которой празднество совершается 8 сентября. При сей обители бывають ежегодно три ярмарки: 25 марта, 2 июля и 8 сентября».

Другой источник, составленный и изданный В.В. Зверинским, дает более подробные данные:

«Сямский-Богородице-Рождественский мужской заштатный (с 1764 г.) мо-

настырь Вологодской губернии и уезда, Березниковской волости, в 65 верстах к северо-западу от Вологды и в 1 версте от деревни Березник, близ Белозерского тракта. Основан в 1524 г. по случаю явления Божьей Матери бывшему в разслаблении два года крестьянину Ивану Родионову с заветанием идти в Сямскую волость к Покровской церкви и объявить прихожанам повеление о построении обители во имя Рождества Богородицы. В монастыре находится чудотворная икона Рождества Богородицы, именуемой Сямскою, празднество коей совершается 8 сентября».

А.Н. Муравьев по пути в Спасо-Каменный монастырь из Кирилло-Белозерского монастыря проезжал мимо Сямской обители, «основанной во дни великого князя Василия Иоанновича по случаю явления чудотворной иконы Рождества Богоматери». И добавляет: «Я зашел ей

поклониться во вновь устроенном благолепном храме».

Нет сегодня ни благолепного храма, ни чудотворной иконы...

Наиболее полное описание монастыря составил И.К. Степановский в книге «Вологодская старина». Не повторяя того, что уже сказано, приведу со слов ревнителя нашей старины другие сведения. До 1760-х гг. монастырь был деревянным. Позднее, с 1839 г. находился за каменной оградой. В середине монастыря стояла пятикупольная церковь, напоминавшая по внешнему виду Киево-Печерский храм Успения Пресвятой Богородицы в уменьшенном размере. Церковь построена между 1764-м и 1777 г. Иконостас возобновлен в 1863 г. По левую сторону царских врат находилась храмовая чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы. В нижнем Благовещенском храме имелась икона Спасителя с молящимися вологодскими чудотворцами и икона преподобного Кирилла Новоезерского. В ризнице замечательных по древности предметов не было.

* * *

Мы приехали в Сямский монастырь сразу же после Ильина дня, то есть 3 августа. Как по заказу, в Ильин день над Кубеноозерьем пронеслась сильнейшая гроза. Черная туча накрыла своим крылом всю окрестность, а молнии прошивали, как огненные иглы, и небо, и землю. На следующее утро июльская жара сменилась августовской прохладой.

К развалинам обители пошли пешком. От монастыря сохранилась только колокольня, братский корпус с кельями и часть кирпичной ограды с башнями. От двухэтажного храма осталась только гора битого кирпича, примыкающая к ободранному боку высокой колокольни с торчащей наполовину в воздухе кованой

решеткой окна. Нетрудно догадаться, что храм был взорван, а колокольня все-таки устояла, распахнутая сегодня всем ветрам и дождям. Она считалась одной из самых высоких на Вологодском берегу озера. Особенно впечатлял ее длинный шпиль, увенчанный крестом.

Местные жители рассказали, что во время вчерашней грозы молния ударила в колокольню, сбила крест и сожгла купол. Черные угли и обгоревшие доски лежали чуть в стороне среди травы. Зайдя внутрь колокольни, чьи перекрытия до самого верха были порушены, мы увидели, как от досок, висевших над нами, еще курится дымок. Без громоотвода колокольня простояла не одно десятилетие, выдержала бесчисленное множество таких гроз, и наконец удар молнии пришелся в цель.

Видалась символика в этом гнев небес. Долго терпел Илья Пророк, а потом, разгневавшись, метнул огненную стрелу в шпиль: недостойны вы, люди, сочувствия, очнитесь, придите в себя, сохраните хотя бы то, что осталось. Зла Илья не хотел, поэтому с большой высоты горящий шпиль с крестом рухнул не на соседние дома. Не спалил он ни один из них, хотя угли лежали чуть ли не под окнами.

А может, терпение у Ильи Пророка лопнуло еще из-за того, что в Сяме вроде бы энергично взялись за сбережение последнего, что осталось от монастыря, но потом, как часто у нас бывает, энтузиазм утих и всё вернулось на круги своя. Летом 2001 г. на территории монастыря не устраивались церковные службы, и, как писала районная газета «Маяк», «особенно сильное впечатление произвело богослужение в Богородицын день — 21 сентября, когда служил отец Димитрий и Надежда Бурдыкова покорила всех своим ангельским пением».

Сколько еще стоять руинам в Сяме? Они так и будут зарастать травой, если для начала не проявить интерес к соб-

ственной истории, для многих все еще не известной. А следы ее можно разглядеть буквально под ногами, как на территории Сямского монастыря древнюю булыжную дорогу, ведущую к небольшой речке. Может быть, по ней бегал еще маленьким мальчиком Михаил Стомонахов, будущий преподобный Мартиниан Белозерский, когда родители приводили его из соседнего села Березник на церковные службы?

Первое упоминание этой местности в исторических документах относится ко временам Дмитрия Донского, который передал по завещанию волость Сяму великой княгине Евдокии Дмитриевне, женщине, глубоко набожной, помогавшей богатыми вкладами монастырям, построившей в память Куликовской битвы в Московском Кремле на княжеском дворе каменный храм Рождества Богородицы. Евдокия Дмитриевна канонизирова-

на Русской православной церковью. Скончалась она в 1407 г., а еще при своей жизни передала волость Сяму знатному московскому боярину Федору Андреевичу Свиблу.

В нынешней Москве есть северный район Свиблово, а рядом с ним станция метро с таким же названием. Они сохранили имя боярина Федора Андреевича, у которого, помимо сямских земель, были поместья и на московской реке Яузе. Прозвище его возникло от физического недостатка — шепелявости. Таких людей в Древней Руси называли *свиблыми*, или *свибливыми*. Свой род Федор Андреевич выводил от выходца из Пруссии, некоего Ратши. Что нам напоминает это имя? Конечно же, строки А.С. Пушкина: «Мой предок Ратша мышцей бранной святому Невскому служил». Наш великий поэт и боярин Федор Свибло происходили, выходит, из одного рода.

Черные угли и обгоревшие доски лежали чуть в стороне среди травы

Этот сподвижник Дмитрия Донского, которого он оставлял охранять Москву, когда сам ушел на Куликовскую битву, при княжении его сына Василия I чем-то сильно проштрафился, попал в опалу, свидетельством чего стала запись в духовной грамоте великого князя о том, что он «отоимал... у Федора у Свибла» его людей и завещает «княгине своей... Федоровские села Свибловские, на Устюзе, и в Отводном, и на Сяме».

Поэтому следующей владелицей Сямы на рубеже 1406-го и 1407 г. становится великая княгиня Софья Витовтовна, дочь от брака великого литовского князя Витовта и смоленской княжны Анны Святославовны. Она умерла в 1453 г., в один год с Дмитрием Шемякой, отравленным в Новгороде по приказу ее сына Василия Темного. Тот в договорной грамоте 1447 г. подтверждает великокняжеские права на Сяму. Эта местность глубоко вдавалась в новгородские и ярославские владения, являлась одним из форпостов московского влияния в северных землях. Поэтому и далее Сямой «награждались» особо приближенные ко двору особы. Кто владел волостью после кончины Софьи Витовтовны?

Внук Софьи Витовтовны Андрей Васильевич Меньшой, ставший после передела вотчин хозяином Кубенского края, в 1479 г. в жалованной тарханной и несудимой грамоте игумену Спасо-Каменного монастыря говорит о некоем «волосте сямском» и его тиуне. Кто им мог быть? Кубеноозерский краевед А. Мухин считает, что владельцем Сямы, и в том числе села Новленского, с XV в. был дворянский род Плещеевых. Из документов известно, что в 1612 г. Сяма действительно принадлежала Плещеевым.

В смутное время Сямский монастырь и село были разорены поляками. Может, тогда-то и погибли древние ценности, хранившиеся в Богородице-Рождественской обители. Удалось спасти только чудотворную икону Сямской Божьей Матери, православную святыню наших мест.

Монастырь являлся типичной сельской обителью России. Здесь крестились и венчались мои предки, здесь их отпевали, провожая в мир иной. Поэтому, приезжая сюда, я испытываю сложные душевные чувства. Могу мысленно представить себе картину расцвета этой обители, но при нынешнем запустении меркнут мои гордые чувства.

А недавно, роаясь на книжных полках магазина «Москва» на Тверской улице, я нашел в одном из альбомов, посвященных церковной старине, изображение иконы Ветхозаветной Троицы, созданной в редкой технике резьбы по дереву. Удивительная по красоте вещь, помеченная началом XVI в., происходила из Сямского-Рождественского монастыря. Сегодня эта икона находится в экспозиции знаменитого Русского музея в Санкт-Петербурге, куда была передана в 1918 г.

Рассматривая это дивное творение неизвестных мастеров, я невольно вспоминал страшные руины, оставшиеся от монастырского собора на берегу озера.

УСПЕНСКИЙ-КУШТСКИЙ МОНАСТЫРЬ

В книге Елены Романенко «Повседневная жизнь русского средневекового монастыря», вышедшей в издательстве «Молодая гвардия» в 2002 г., опубликована фотография этой обители в ее современном состоянии, выполненная епископом Вологодским и Великоустюжским Максимилианом, создающим фотолетопись святых мест епархии. На иллюстрации запечатлены остатки каменной церкви и какие-то неказистые строения. Стоявший здесь, один из самых знаменитых деревянных шатровых храмов во имя Успения Богородицы, построенный в 1520 г., сохранен и перевезен на территорию ныне действующего Спасо-Прилуцкого монастыря под Вологдой. Как выдающийся памятник, он вошел во все альбомы рус-

ского деревянного зодчества. Глядя на строгую красоту и удивительную соразмерность шатровой церкви, так и представляешь ее среди северной природы. Шатровые храмы — суть русского понимания архитектурной красоты. Среди них знаменитая каменная церковь Вознесения на берегу Москвы-реки в селе Коломенское.

Церковь Успения Богородицы Александрова-Куштского монастыря превосходна не только снаружи, издали и в перспективе, она сохранила для нас и замечательное внутреннее убранство. Ее иконостас известен деисусным чином начала XVIII в., созданным в лучших традициях русской средневековой иконописи. Богатое украшение монастыря проистекает от особого почитания преподобного Александра Куштского, мощи которого почивают под спудом на месте упраздненной обители.

Вновь открываю труд В.В. Зверинского: *«Александров-Успенский на Куште, мужской монастырь, приписной к Белавинско-Спасо-Каменной пустыни, где ныне погост Александров Вологодской губернии, Кадниковского уезда, в Закушской волости, в 40 верстах к северо-западу от Кадникова, в 4 верстах от юго-восточного берега Кубенского озера при речке Куште. Основан преподобным Евфимием в начале XV в. К нему вскоре пришел преподобный Александр, постриженник Спасо-Каменного монастыря и основатель монастыря на реке Сянжеме; они поменялись основанными монастырями, и преподобный Александр оставался здесь до своей кончины, последовавшей в 1439 г. 9 июня, в каковой день и чтится его память. В 1764 г. монастырь упразднен. Мощи преподобного покоятся в Николаевской церкви, построенной после пожара в 1519 г.»*

Александр Ратшин, как и во всех других случаях, дополняет эти данные:

«Успенский-Куштский, мужской монастырь в 8 верстах от Спасо-Каменно-

Как выдающийся памятник, храм вошел во все альбомы русского деревянного зодчества

го монастыря и в 45 верстах от губернского города Вологды, на восточном берегу озера Кубенского, при самом впадении в него речки Кушты. Основан в первых годах XV в. по желанию благочестивых князей Дмитрия Васильевича Заозерского (отца святого князя Андрея Вологодского), супруги его княгини Марии и князя Симеона Ярославского, которые пригласили для сего св. Александра (Куштского), спасавшегося в пустыне на реке Сянжеме.

Здесь были две церкви: 1) Успения Божьей Матери, построенной святым Александром, с пособием упомянутых князей; 2) Николая Чудотворца, сооруженной уже по кончине преподобного Александра по его завещанию учениками его. В 1519 году обитель вся сгорела; после чего церкви Успенская и Николаевская

с кельями были построены вновь. В 1764 году, по упразднении монастыря, оставшаяся тогда одна церковь Николая Чудотворца обращена в приходскую; в ней почивают под спудом мощи основателя преподобного Александра».

Деревянная шатровая церковь Успения Богородицы в XIX в. не вызывала еще такого восхищения, как в наше время. На Севере к тому времени сохранились деревянные постройки удивительной красоты. Открытие северных культурных сокровищ только начиналось; даже от того, что сохранилось, у путешественников и первых краеведов буквально разбегались глаза. Например, А.Н. Муравьев, путешествовавший по Северной Фиваиде и побывавший в соборном храме Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре, с почтением рассматривал иконостас, выявлял древние, на его взгляд, иконы, а о знаменитых фресках Дионисия не сказал ни слова, как будто он их и не заметил. Многие великие открытия древнерусского искусства состоялись лишь в начале XX в. и позднее.

На реке Куште Андрей Николаевич Муравьев шатровую церковь, конечно же, увидел, но для него она представляла типичную северную постройку и особого интереса не вызвала. Мы же остаемся ему благодарны за то, что он все-таки до монастыря добрался и составил подробный отчет о своем путешествии, ставший едва ли не единственным свидетельством очевидца о том времени, когда обитель еще существовала и сохраняла в своих стенах дух святой старины.

ЛОПОТОВ БОГОРОДИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ

Этот монастырь — из духовных ветвей обителей, основанных Дионисием Глушицким, о которых я, в свою очередь, расскажу в очерке «Чудотворная». От корня Спасо-Каменного пошли ветви-побе-

ги, от них выросли новые. Так обрело свои формы пышное древо заозерских монастырей.

При рассказе о жизни преподобного Дионисия в Свято-Лукском Никольском монастыре мы с ним расстались, когда он, распрощавшись со своим другом Пахомием, отправился искать место для новой пустыни. Долго скитаться ему не пришлось, так как место для уединения он выбрал недалеко от истока Сухоны, в 20 километрах, на речке с красивым названием — Глушица, само имя которой вроде бы говорило о том, что там, где она протекает, находится самая настоящая глушь. Может, так оно и было в дальнем далеке, но отнюдь не в конце XIV в. И кому, как не уроженцу здешних мест, каковым являлся Дионисий, было знать, где лучше выбрать место для монашеской обители. Свою первую келью Дионисий построил у черемухи, и потом долгое время это дерево напоминало о преподобном, а ягоды чудесно исцеляли больных.

Постепенно Дионисий начал обустривать и другой монастырь, в нескольких километрах от первого, свой любимый, поставленный у огромной сосны, отчего он и получил название — Сосновецкий. Сюда к Дионисию и пришел из одного из ростовских монастырей Григорий, выходец из богатого боярского рода, жившего в Галиче. Как в сказке сказывается: «Стали они жить-поживать». «Дионисий, провидя в нем будущего наставника пустынножителей, назидал его день и ночь в законе Господнем, и преподобный Григорий, забыв свой настоятельский сан (два года до появления в Заозерье пр. Григорий был архимандритом ростовского монастыря Всемилоственного Спаса, «что на песках». — В.Д.), как ученик, смиренно внимал поучениям великого своего учителя и открыл ему свое тайное желание предаться еще большему безмолвию на уединенном месте» (Муравьев. С. 92—93).

Видно, и впрямь был умен игумен Дионисий, если ему так благоговейно внимал инок Григорий, один из образованнейших русских богословов. Да-да, этот вологодский чудотворец несколько лет находился в особом иноческом затворе, существовавшем с XIV в. в Ростове при архиерейском доме, где учились и подвизались такие великие деятели Руси, как просветитель Стефан Пермский и биограф преподобного Сергия Радонежского Епифаний Премудрый. В затворе происходили ученые прения по богословским проблемам, переводились и переписывались книги, службы церковные велись и на славянском языке, и на греческом.

И вот Григорий, как писалось в его Житии, «решил удалиться в такое место, где бы никто не знал его и где бы он мог жить в совершенном безмолвии». Такое он нашел на речке Пельшме, впадающей в Сухону, где и поставил «малую для себя хижину».

По справке В.В. Зверинского:

«Лопотов-Григорьево-Пельшемский Богородицкий мужской заштатный (с 1764 г.) монастырь Вологодской губернии Кадниковского уезда Большемургинской волости. В 7 верстах к югу от Кадникова при речке Пельшме. Основан около 1426 г. преподобным Григорием из рода бояр Лопотовых, искавшим уединения и скончавшимся в 1442 г. 30 сентября, в какой-то день чтится его память. Могила преподобного почивает под спудом в церкви его имени; при раке хранятся железные вериги, железная полумантия и железная рубашка, в которых преподобный Григорий совершал свои молитвы. В 1700 г. монастырь имел 106 дворов. В 1744 г. — 292 души. В 1831 г. — игумен Иосиф, а на место его назначен управлять монастырем Игнатий Брянчанинов».

В вышедшей в Вологде в 1875 г. книге, составленной Н. Суворовым, о Лопотове Богородицком монастыре на первых же страницах говорится, что разруши-

тельное время, пожары, небрежное обращение с древностями — все это, вместе взятое, было причиной, почему наши древние обители скудны памятниками древности (*Лопотов Богородицкий монастырь*. С. 10). К месту, где уединился преподобный Григорий, это относится в полной мере. В 1612 г. монастырь разорили поляки. В 1683 г. пожар истребил все постройки монастыря, в том числе и «брусную, о четырех углах» колокольню. «При этих двух бедственных случаях, конечно, много погибло монастырских древностей», — сожалеет в который раз Н. Суворов (*там же*. С. 13). Опись 1664 г. упоминает, что в монастыре существовали «двенадцать господских праздников письма преподобного Дионисия Глушицкого». Через 19 лет они сгорели. Не осталось и складней деревянных с иконой Божьей Матери «Неопалимая купина», пожертвованных тем же духовным учителем Григория Пельшемского Дионисием.

Монастырь в 1687 г. вновь отстроился. На его территории красовалась шатровая церковь во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи, а над гробом преподобного Григория была устроена часовня. В 1706 г. в монастырь перевезли с погоста Замошского деревянную Покровскую церковь и освятили во имя преподобного Григория. В XVIII в. воздвигли два каменных храма с колокольней.

Красивое и тихое месторасположение обители привлекало к ней паломников из Вологды. Малиновый звон в теплый вечер над ней плыл, как на известном полотне Левитана. Сюда любил приезжать знаменитый историограф православной церкви преосвященный Евгений Болховитинов, впоследствии митрополит Киевский. Он занимал с 1808-й по 1813 г. Вологодскую кафедру. В летние месяцы владыка уединялся в Лопотовом монастыре, составляя историю Вологодской епархии. Целые возы архивных документов доставлялись ему из губернского города.

Портрет ученого-архипастыря Евгения украшал стены корпуса монастырской гостиницы.

В пятиярусном иконостасе церкви во имя Григория Пельшемского чудотворца имелось несколько «древних», «очень древних» и «весьма древних» икон. В библиотеке (данные на 1875 г.) насчитывалось 140 книг, из них 2 старопечатные. Братья тогда же было 21 человек.

Лопотов монастырь связан и с другим святым Русской православной церкви — святителем Игнатием Брянчаниновым. Сюда он пришел из Дионисиева Глушицкого монастыря в начале 1832 г., когда был назначен строителем Лопотова. В июле 1833 г. Игнатий был посвящен в игумены, а в ноябре назначен настоятелем Угрешского монастыря.

* * *

Вот мы и совершили паломничество, побывали почти во всех кубеноозерских монастырях. Пишу «почти», потому что в некоторых не были, это — Спасо-Преображенский Рабангский, Николаевский Катромский, Спасо-Евфимьев Сянжемский Воскресенский... Я насчитал 16 обителей в окрестностях озера — настоящего центра земли русского Спасения и Преображения.

Сегодня начинает теплиться монашеская жизнь только в одном из них — Спасо-Каменном. От других мало что осталось.

Черной страницей в монастырской жизни всего Русского Севера стала середина 20-х гг. XX в., когда, как по команде (скорее всего, именно — по команде), стали ликвидироваться монашеские очаги. В научном архиве Вологодского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника сохранились документы о закрытии Дионисиева Глушицкого Сосновецкого монастыря. Их проана-

лизировала вологодская исследовательница Т.Г. Петрова. По подобной схеме происходила ликвидация нежелательных духовных центров православия и в других местах.

С первого дня работы ликвидационной комиссии в монастыре устанавливался особый режим, запрещавший монахам выходить из обители. На воротах выставлялась охрана. Перетряхивалась вся монастырская ризница, обыскивались храмы и кельи монахов. Из акта проверки движимого и недвижимого имущества Глушицкого Сосновецкого монастыря следовало, что конфискации подвергались серебряные изделия общим весом 15,6 кг. Внимание лиц, осуществлявших изъятие ценностей, привлекали предметы, отличавшиеся весьма неказистым внешним видом. В опись были включены ковшечек без ручки, семь наперсных крестов, подставка для вазы и даже одна столовая ложка и сетка для чая. В ходе проведенного следствия настоятель и ризничий признались «в сознательном укрытии церковных ценностей», сами не отдали на переплавку серебряные ризы с икон и наперсные кресты и были за то арестованы. Оставшиеся в обители девять монахов подали заявление о добровольном уходе из монастыря и покинули его, получив по одному рублю на дорогу и по одному пуду муки.

Из документов явствует, что отношение жителей окрестных деревень к закрытию обители было отрицательным. На второй день работы комиссии к монастырю пришла большая группа крестьян с просьбой разрешить молебен преподобным Дионисию и Амфилохию, однако до окончания работы комиссии им было в этом отказано (не понимали они, что не только «до» окончания ликвидации, но и «навсегда»). Позднее группа активистов пыталась организовать собрание крестьян и добиться отмены решения о закры-

тии монастыря (собралось 150 человек во главе с крестьянином Павловым), однако угрозы ареста и отправки в Вологду заставили их разойтись. 18 августа жители деревни Россохи обсуждали вопрос о монастыре, на собрании присутствовали делегаты от Боровецкого и Архангельского сельских советов. Решено было отправить ходоков в Москву для защиты обители (святая простота!). Собрание не было санкционировано местной властью, и председатель ликвидационной комиссии И.И. Чуркин предложил милици-

онеру Елагину провести дознание на предмет привлечения виновных к ответственности.

Что теперь осуждать события тех лет!.. Те, кто с наганами пришли в монастырь, делали, по их мнению, доброе дело: создавали на его территории детский дом имени В.И. Ленина. Вырученные от продажи церковного имущества средства покрывали расходы на ликвидацию неграмотности. Новый свет засиял над Кубено-озерьем — свет знаний. Но что он без светоча души?..